

страна востока

...ведь целью нашей была не просто страна Востока,
или, лучше сказать,
наша страна Востока была не просто страна,
не географическое понятие,
но она была отчизной и юностью души,
она была везде и нигде,
и все времена составляли в ней
единство вневременного.

Г. Гессе

Борис Виноградов

Счастливая монета из древнего города

Чигир. Бумага, графитный
карандаш. 2007.

Думал ли неизвестный средневековый чеканщик монет о том, кому достанутся его медные дирхемы и какая за этим последует череда событий? Возможно, да, но он уж точно не мог представить, что спустя сотни лет кувшин с его монетами откопает в саду под Самаркандом мой друг Рашид.

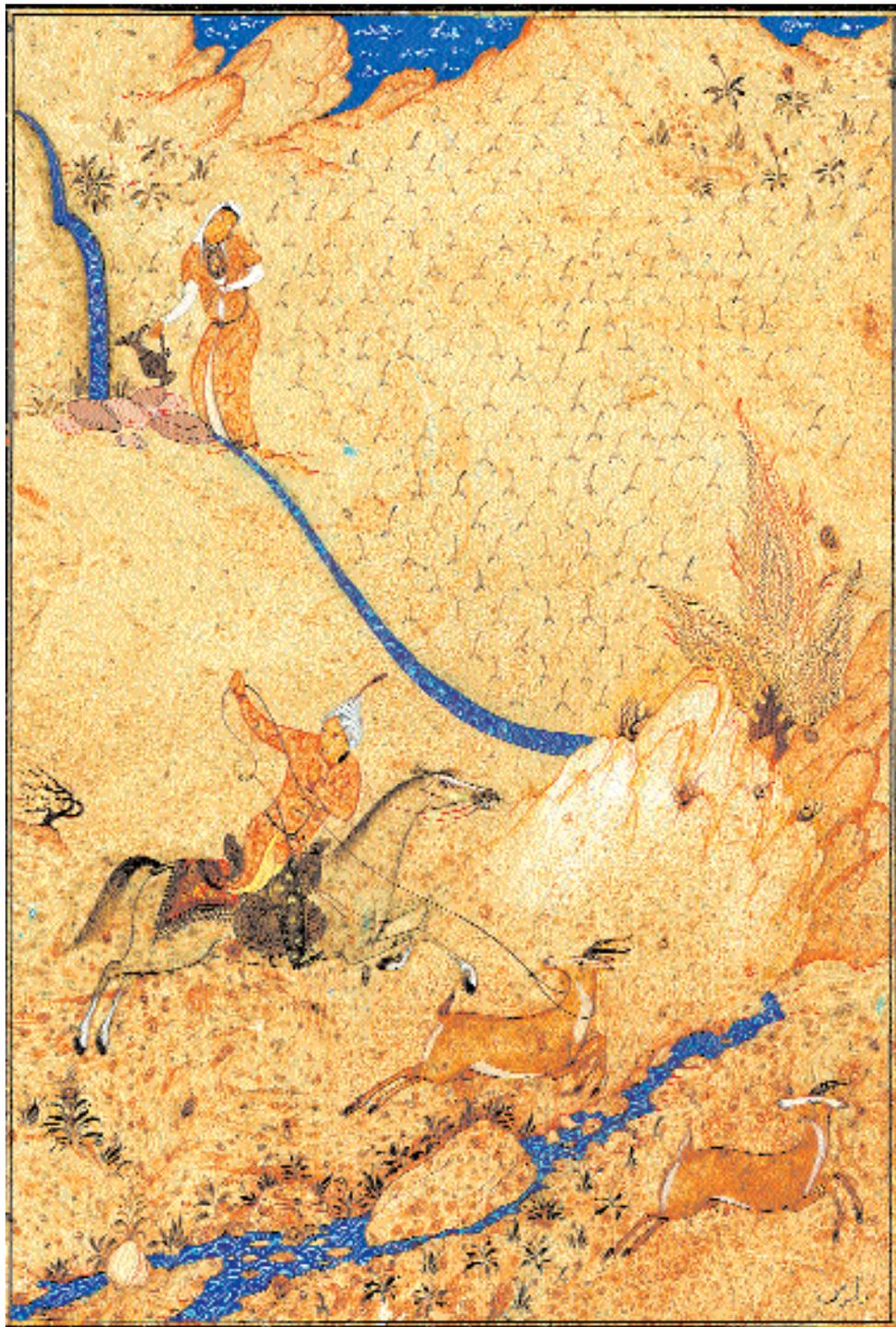
Позеленевшие медные бляшки не представляли собой особой ценности как для учёных, так, наверное, и для нумизматов, но для нас, мальчишек, это были настоящие сокровища, от которых веяло древностью и тайнами. Я был горд тем, что родился на земле с такой богатой историей и самобытной культурой.

Земля древнего города действительно полна свидетельств бурных событий, которые непрерывной чередой проносились здесь. А сколько великих людей нашли здесь последний приют! Их не счесть. Старики говорили, что тут и по нужде сходить довольно проблематично – сплошь святые места! В Самарканде никогда не знаешь, стоишь ли ты просто на земле или на могиле забытого святого давно забытой религии. А может быть, под ногами прекрасный дворец или библиотека?

Время от времени здесь случаются удивительные открытия. Одни находят клады, другие – древние поселения, третьи – то, что на протяжении всей последующей жизни становится их страстью или путеводной звездой. Стоит ли говорить о том, какие богатства может найти для своего творчества художник!

...Три из найденных монет Рашид подарил мне. Было это в конце 1970-х. Наверное, именно в тот момент, когда я стал разглядывать эти монеты с причудливыми и непо-

Борис Сергеевич
Виноградов – художник-
миниатюрист.

Бахрам-Гур на охоте. Бум., смешанная техника. 2001.

нятыми надписями, я ощутил очарование Востока. Даже сейчас, глядя на одну оставшуюся монету (остальные мы с другом всё-таки сдали в музей), я испытываю почти мистическое состояние человека, обладающего вечной неразгаданной тайной. Замысловатая вязь на обеих сторонах монеты напоминает сложный код, разгадав который, станешь чуточку мудрее.

Будучи школьником, я разглядывал памятники Самарканда, в то время ещё не всегда отреставрированные, и ощущение контакта с великолепной древностью захватывало дух. Стоило только немного напрячь воображение, чтобы почувствовать себя странником, или купцом, или каменотёсом в столице империи грозного Тамерлана.

На Востоке всё делается не спеша. Не обязательно медленно. Но даже если и быстро, то всё же не спеша. А раз так, то настоящий мастер может любой предмет превратить в произведение искусства, бесконечно усложняя и обновляя его форму и совершенствуя свои навыки, не обращая внимания на течение времени.

Заглянув в любую мастерскую, к чеканщику или гончару,ловишь себя на мысли о том, что точно так же, с тем же усердием и той же изобретательностью мастер делал своё дело и сто, и триста, и пятьсот лет назад. Пройдут ещё столетия, и точно так же будет скрипеть гончарный круг или стучать молоток.

«Э-э, куда торопишься!» – часто произносит *усто* – мастер-учитель, когда видит небрежность ученика. Для того чтобы создать действительно достойное произведение, нужны внутреннее спокойствие и уравновешенность. Человек суетливый вряд ли сможет провести кистью плавную тонкую линию, и уж наверняка запутается в сложных хитросплетениях различных узелков, из которых порою состоит практически весь восточный узор. Известное выражение «Служенье муз не терпит суеты» здесь имеет материально выраженное подтверждение.

Взглянув на причудливый орнамент изразцов медресе или мавзолея, поражаешься тому, как выверен каждый его элемент и как тщательно он прорисован. Точно так же завораживают тебя резные панно из ганча, узорчатая керамика, нарядная роспись потолков, прихотливые композиции, создаваемые мастерицами-золотошвеями.

Но больше всего поразила меня книжная миниатюра. Я почувствовал желание тоже создать нечто красивое, искусное, тонкое, полное изящества и обаяния. Даже беглого взгляда на миниатюру было достаточно, чтобы заметить, с какой любовью в ней прописан каждый цветок, каждая складка одежды.

Так началось моё увлечение восточной миниатюрой, переросшее с годами в самостоятельное творчество. Мастера-учителя, каждый по-своему, подвели меня к тому, что я обратился к этому жанру, самому изящному в изобразительном искусстве.

Что подкупает нас в восточной миниатюре? Больше всего, наверное, наличие в этом виде творчества таких законов, та-

Фрагменты миниатюры «Царская охота». Бум., темпера. 1998.

ких условий, которые заставляют автора быть максимально добросовестным, основательным, дотошным, внимательным к каждой детали. Плюс скрытый смысл, не всегда доступная мудрость. Они присутствуют в каждой композиции и открываются при детальном, внимательном рассмотрении рисунка или орнамента. Тут любая линия не случайна, каждая геометрическая

фигура имеет значение. Всё взвешено и продумано до мелочей, ведь в небольшом по размеру изображении должна быть запечатлена вселенская гармония.

Не одно поколение суфийских мудрецов шлифовало своё умение выражать скрытый смысл различными символами и наоборот – наделять различные фигуры особыми свойствами и назначениями.

Собрание мудрецов. Бум., смешанная техника. 2001.

Конечно, чтобы иметь возможность оперировать таким сложным набором, нужна определённая подготовка художника, к тому же и зритель должен обладать некоторыми познаниями в данной области. Я интуитивно пытаюсь нащупать нить взаимопонимания между мной и зрителем: ведь он мой современник, и говорить с ним следует на понятном нам обоим языке. В этом смысле

задачи мои несколько иные, чем у средневекового художника-миниатюриста. Общим у нас осталось то наследие мыслителей (не только суфийских), которое до сих пор питает творчество многих художников.

Поэзия – ещё один источник вдохновения. А если поэт к тому же суфий? Тогда его творчество похоже на бездонный колодец мудрости или на волшебное зер-

Фархад и Ширин. Бум., смешанная техника. 2001.

кало, в котором каждый увидит ответ на любой вопрос, который его беспокоит и волнует. Здесь и любовь, и житейское наставление, и размышления философа, и красота поэтического слова.

Современный человек чересчур часто стремится во всём разобраться, всё постичь разумом. Я не стремлюсь всё растолковать, разъяснить зрителю, предоставляя ему воз-

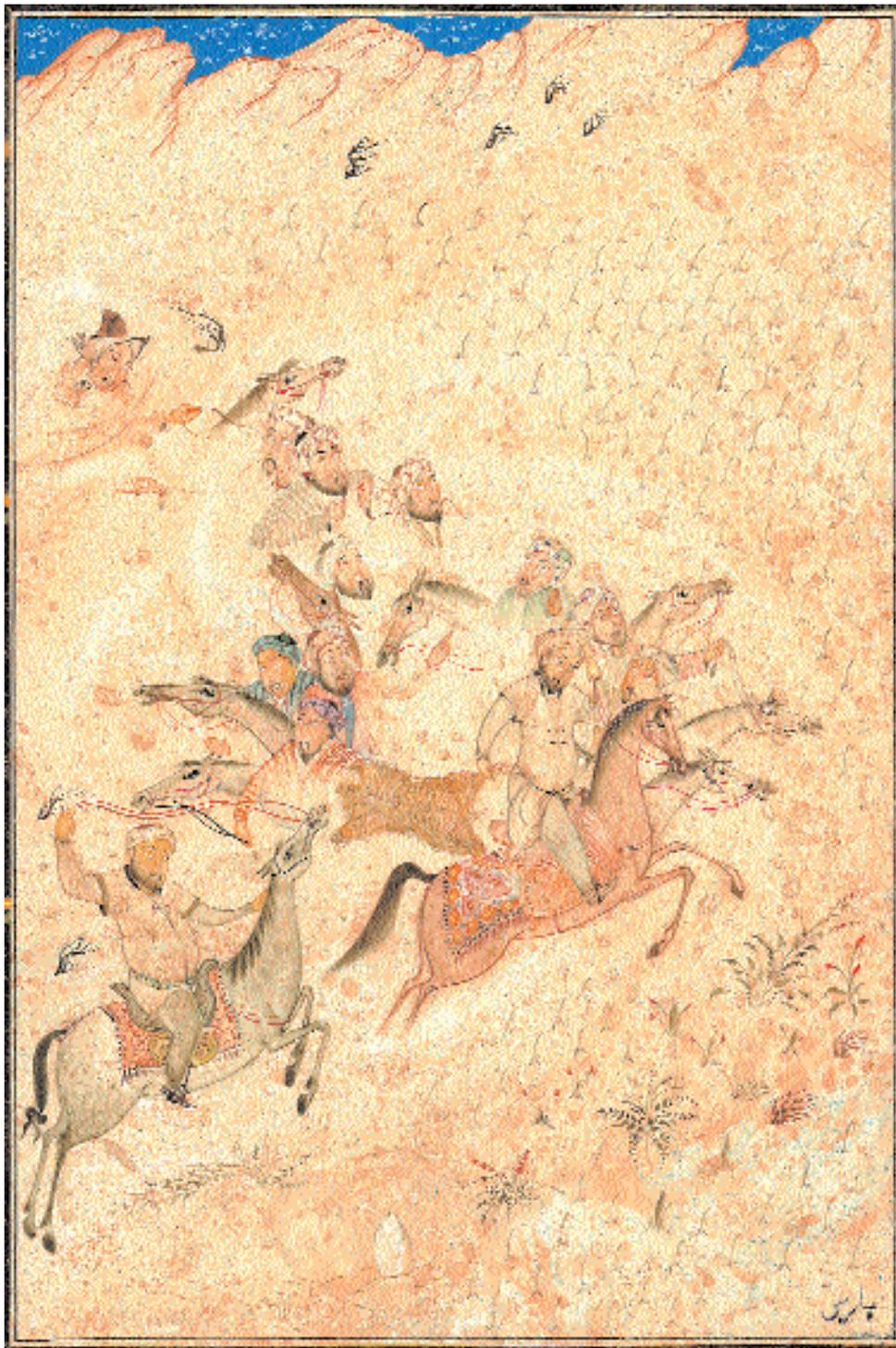
можность домысливать, а скорее «дочувствовать» произведение или просто оставить кое-что недоговоренным. Зачем? Один мой знакомый как-то рассказал, что пока он не знал арабского, каждая буква этого алфавита вызывала в нем мистический трепет. А когда язык был освоен, это глубокое чувство исчезло, и теперь он видит перед собой только то, что написано, и ничего более.

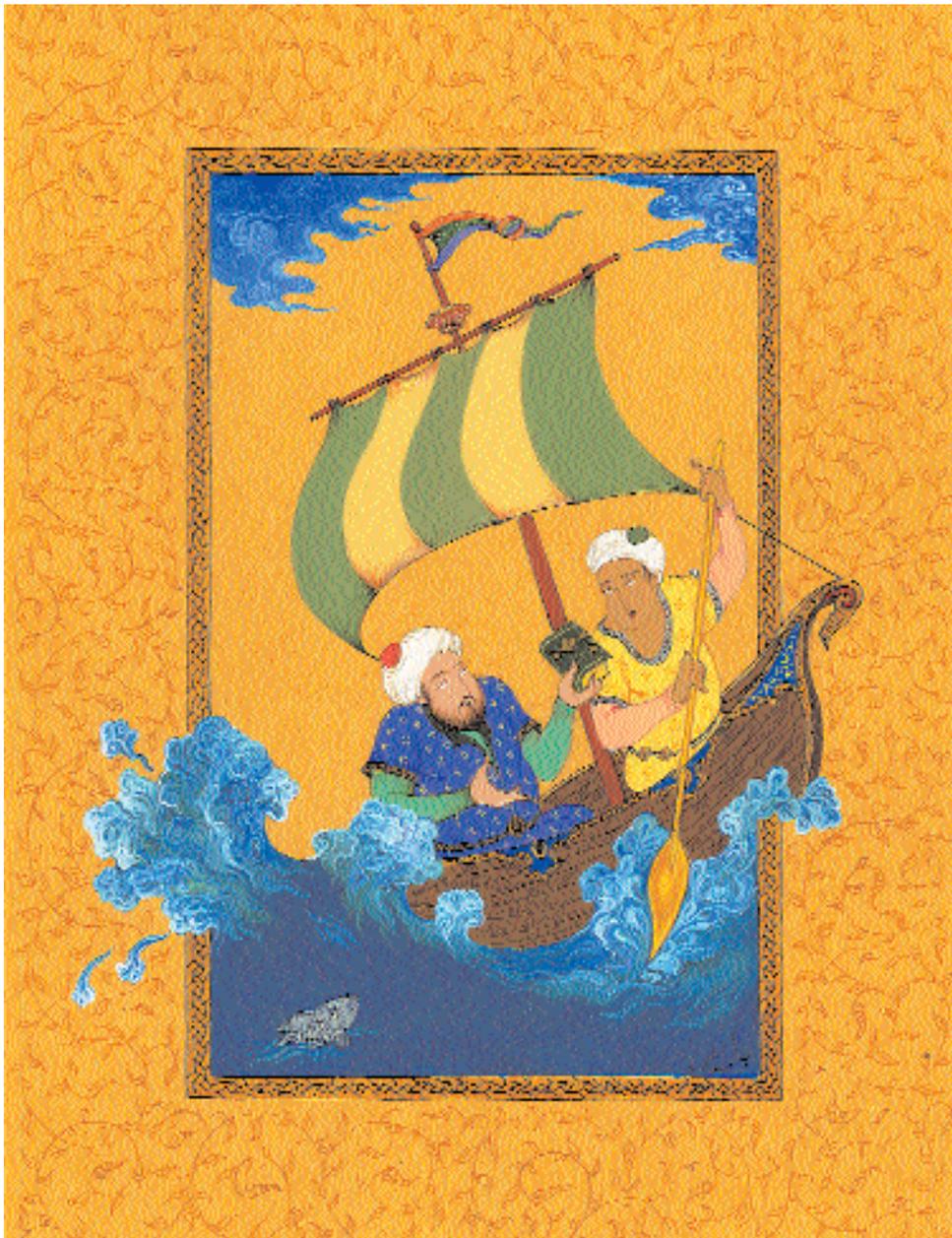
Попробую объяснить, почему так происходит. Уже линия сама по себе несёт определённую информацию, в том числе и о своём создателе. Когда же рождается целая композиция, в ней возникает своя неповторимая мелодия. Этого я и пытаюсь добиться в своих рисунках. В них часто использую ритм арабского письма или, по

крайней мере, отдельные элементы какого-либо из почерков. Ритмика, музыкальная тема может быть и в изображении горного ручья, и в складках одежды, и в линиях облаков.

Вообще, по прошествии определённого времени, у меня сложилась собственная техника письма. Речь не идёт о копировании приёмов старых мастеров. Я стараюсь

Улак (козлодрание). Бум., смешанная техника. 2001.

Спор грамматика с кормчим (По мотивам Д. Руми). Бум., темпера. 2007.

использовать лишь те из них, которые органично вписываются в современный стиль восточной миниатюры. Кстати, иногда случай открывает для меня новые способы письма. Однажды, занимаясь монотипией (это отиск на бумаге красок, нанесённых на стекло), я обнаружил в ней удивительное сходство с изображением скал в персидских средневековых миниатюрах. Теперь, несколько доработав технику, часто ис-

пользую этот приём. Иногда в поиске интересной композиции делаю карандашные зарисовки, самые удачные из которых могут впоследствии стать самостоятельной иллюстрацией. Порой даже потёки краски на старой палитре могут натолкнуть на интересное цветовое или графическое решение.

Мой знакомый художник из Афганистана Шукурулло рассказал следующую историю. Как-то после

ужина на столе осталось несколько горелых корочек ржаного хлеба, которые он нечаянно залил горячим чаем. Чтобы не выбрасывать хлеб, он решил высушить корочки и положил на лист тонированной бумаги. На другой день, когда корочки подсохли, он обнаружил на бумаге странные разводы, которые невозможно создать кистью. Что-то они напоминали. И после небольшой доработки темперными красками получилась довольно интересная миниатюрная композиция «Девушка и дракон». Я видел её, но самому мне никогда бы не догадаться о необычном способе рисования.

Мой приятель всегда охотно делился со мной и своим опытом, и новыми находками, что, несомненно, повлияло не столько

на мою технику рисования, сколько на отношение к созданию миниатюры, на сам живой процесс творчества, где важны и непредвзятый взгляд, и свежая мысль, не скованная каноном, но развивающаяся всё же в контексте восточной традиции.

Сегодня я не перестаю экспериментировать. Мне хочется, чтобы моя миниатюра была современной, разнообразной и неповторимой. Насколько мне это удаётся – судить зрителю.

Часто думаю о том, сможет ли мой рисунок повлиять на чью-то жизнь, как повлияла на мою жизнь когда-то находка древних монет. Теперь я знаю, что один человек сначала находит клад, и его жизнь меняется в русле новых интересов, а другому его новые интересы помогут найти свой клад..

Царь и танцовщица. (По мотивам Д. Руми) Бум., смешанная техника. 2001.

